

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>

Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав

Елена Николаевна Абрамова, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург (191023, наб. канала Грибоедова, д. 30-32), Российская Федерация
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург (196605, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10), Российская Федерация
abramova.e@unecon.ru
<https://orcid.org/0009-0008-0698-4166>

Аннотация:

Введение. В современных условиях проблема фейков приобрела не только правовой, но и социально-экономический и даже психологический и политический оттенок, превращаясь в угрозу для прав и свобод человека, трансформируя его мироощущение и осознание своей идентичности в новом цифровом мире, создавая угрозы общественным и национальным интересам. Правовые механизмы представляются способными обеспечить надлежащую защиту фундаментальным ценностям человеческого общества, если при этом феномен фейка или цифрового образа найдет свое место в системе объектов гражданских прав, что позволит выявить эффективные способы защиты прав и законных интересов всех субъектов, чьи права нарушаются в результате использования субъектом своего цифрового образа или цифрового образа третьего лица.

Методы. Основным методом при проведении исследования стал метод синтеза и анализа, позволивший провести систематизацию высказанных в цивилистической доктрине подходов к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав. Историко-правовой метод был применен для выявления правовой квалификации цифрового образа человека и определения его правовой природы.

Результаты. Несмотря на наличие разнообразных доктринальных позиций, в результате проведенного исследования в качестве оптимальной обоснована точка зрения, в соответствии с которой право на цифровой образ человека рассматривается в качестве нематериального блага. Доказано, что цифровой образ человека является современной вариацией такого традиционного объекта гражданских прав, как «образ человека», который в результате технологических достижений трансформировался не просто в визуальный образ, а в копию любых личных характеристик, отображающих разнообразные аспекты человеческих индивидуальных проявлений, включая голос, специфику движений и мимики, особенности

Ключевые слова:

цифровой образ человека, аватар, цифровая копия личности, цифровой двойник человека, изображение, право на цифровой образ

Для цитирования:

Абрамова Е. Н. Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 110–117. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>.

поведения, реакции и т. п. Автор приходит к выводу, что цифровой образ является нематериальным благом, на который можно распространить правовой режим изображения, но с учетом его технологических особенностей, и предлагает основные элементы правового механизма его защиты.

Статья поступила в редакцию 29.03.2025;
одобрена после рецензирования 03.06.2025;
принята к публикации 20.06.2025.

Original article

The Place of digital image of a person in the system of objects of civil rights

Elena N. Abramova, Cand. Sci. (Jurid.), Docent
Saint-Petersburg State University of Economics
30-32, Griboyedov channel emb., Saint-Petersburg, 191023, Russian Federation
Pushkin Leningrad State University
10, Petersburg high., Pushkin, Saint-Petersburg, 196605, Russian Federation
abramova.e@unecon.ru
<https://orcid.org/0009-0008-0698-4166>

Abstract:

Introduction. In the present day, the issue of fakes has evolved beyond its legal implications, encompassing socio-economic, psychological and political connotations, thus turning a threat to human rights and freedoms, transforming person's worldview and sense of identity in a new digital world and endangering public and national interests. If the phenomenon of "fake" or digital image is integrated into the system of objects of civil rights, legal mechanisms will be capable of providing adequate protection to the fundamental values of human society. This will make it possible to identify effective strategies to protect the rights and legitimate interests of all subjects whose rights violated as a result of the subject's use of his or her digital image or the digital image of a third party.

Methods. The main research method was synthesis and analysis, which helps the systematisation of civilist doctrine approaches to determining the place of digital images of a person in the system of objects of civil rights. The legal-historical method was applied to identify the legal qualification of the digital image of a person and to determine its legal nature.

Results. Despite the variety of doctrinal positions, the findings of the research indicates that the point of view digital image right of a person as an intangible benefit is both well-founded and the most appropriate. Recent research has shown that the digital image of a person is a modern variation of the traditional object of civil rights as "the image of a person", which, as a result of technological advances, has evolved into more than just a visual representation; it has become a digital copy of various personal characteristics, encompassing the forms of nonverbal communication, such as voice, specific body movements and facial expressions, specific behaviour, reactions and etc. The author concludes that digital image is an intangible benefit that can be subject to legal framework of image, taking into account its technological features and also proposes the key elements of the mechanism of legal protection.

Keywords:

digital image of a person, avatar, digital copy of a person, Human Digital Twin, image, digital image right

For citation:

Abramova E. N. The Place of digital image of a person in the system of objects of civil rights // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 2 (106). P. 110–117. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-110-117>.

The article was submitted March 29, 2025;
approved after reviewing June 3, 2025;
accepted for publication June 20, 2025.

Введение

Развитие цифровых технологий привело к возникновению нового явления, которое пока не получило устойчивых общепринятых наименования и понятия. В цивилистической литературе чаще всего встречается наименование «цифровой образ человека», но есть и иные синонимичные термины, передающие значение этого явления: цифровой аватар, цифровая копия личности, цифровой двойник человека и другие. Однако наиболее предпочтительным представляется термин «цифровой образ человека», который этимологически связан с таким давно известным цивилистике континентальной системы права понятием как «персональный образ человека», возникшим еще в XIX веке в связи с технологическим рывком, выразившимся, в т. ч. в создании фотозаписи, а позже и кинозаписи, и появившейся в связи с этим возможностью широкого копирования образа человека.

Как представляется, «цифровой образ человека» является частным случаем «образа человека», который обозначился в результате очередного технологического прорыва на современном этапе развития человеческой цивилизации и глубоким проникновением цифровых технологий в жизнь каждого человека. Это обуславливает необходимость единообразной квалификации таких образов и применения к защите прав на них единых правовых механизмов.

Исследователи единодушны в том, что цифровой образ представляет собой объект гражданских прав, на который у субъекта гражданского права возникает субъективное гражданское право, имеющее абсолютный характер. Несмотря на то, что правовые исследования цифрового образа человека начались не так давно, современная гражданско-правовая наука за последние несколько лет выработала такое разнообразие подходов к понятию цифрового образа, что сегодня возникает необходимость их систематизации.

Методы

Основным методом при проведении исследования стал метод синтеза и анализа, позволивший провести систематизацию высказанных в цивилистической доктрине подходов к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав. Историко-правовой метод был применен для выявления правовой квалификации цифрового образа человека и определения его правовой природы.

Результаты

В зависимости от того, к какому именно объекту гражданских прав относят цифровой образ, можно выделить два основных цивилистических подхода.

Согласно первому, цифровой образ рассматривается в рамках авторского права, и правовая квалификация дается ему как одному из охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, а право на него рассматривается как исключительное право. В рамках данного направления цифровой образ чаще всего квалифицируется или как смежное произведение [1] или как производное произведение [2]. В последнем случае также наблюдается разнообразие вариантов относительно исходного произведения, на основе которого возникает цифровой образ как производное произведение. Высказано даже мнение, что исходным произведением является сам человек, собственную личность которого он создает путем формирования коммуникативного стиля в киберпространстве [3].

Однако следует учитывать, что при таком подходе объектом выступает результат творческого труда автора, хотя при создании цифрового образа человека может отсутствовать как творческий труд, так и сам автор. В ряде случаев набор характеристик человека, объединяемых в результате в единый образ, может быть получен не в результате творческой деятельности, а путем технического процесса, заключающегося, например, в считывании, сборе и обработке больших массивов информации при помощи сквозных цифровых технологий, в т. ч. технологии искусственного интеллекта, либо даже в результате приема с помощью специальной техники сигналов о работе организма. Например, сегодня активно развивается биопринтинг – технология, позволяющая создать цифровую трехмерную модель тела человека в медицинских, здоровьесберегающих и иных целях. Датчики считывают и анализируют информацию о состоянии работы организма и его систем, записывая полученную информацию в особый файл, содержащий цифровую трехмерную модель. Исследователи отмечают, что созданный образ нуждается в защите и относительно него возникает абсолютное неимущественное право на цифровой образ [4; 5]. В этом случае исходного произведения не существует ни в каком смысле, в т. ч. и в смысле формируемого самим человеком коммуникативного стиля, поскольку созданный образ является образом тела (снятыми аппаратурой показаниями работы его органов и систем, являющихся «произведением» природы). Сегодня ни природа, ни искусственный интеллект не признаются авторами произведений и субъектами авторского права, поэтому и результаты их деятельности не могут быть признаны ни исходными, ни производными произведениями.

Другим дефектом указанного подхода можно признать одностороннюю сферу применения его последствий, поскольку он направлен на защиту прав только того субъекта, который «создал» цифровой образ. Но современная практика правоприменения показывает, что наибольшее число нарушений прав касается не столько авторов, сколько тех людей, образы которых тиражируются в информационном пространстве, в т. ч. без их согласия, а иногда и без ведома. Помимо рисков, связанных с нарушением традиционных личных неимущественных прав, возникают и иные риски, иногда новые и неожиданные, пока не имеющие правовых эффектов в связи с потенциальностью и отдаленностью по времени их наступления, что влечет на современном этапе отсутствие их осознания и анализа доктриной и правоприменением.

Так, исследователи отмечают, что «квантифицированный образ тела создает эффект доступа к „настоящему“ телу и риски разрыва между личными ощущениями и цифровыми данными» [6], последствия которых пока не известны в связи с экспериментальным и единичным характером использования подобных образов.

Таким образом, не представляется возможным согласиться с правовой квалификацией цифрового образа человека как результата интеллектуальной деятельности, поскольку таковая не даст ответов на большинство вызовов, появляющихся на современном уровне развития техники, экономики и маркетинга.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовой квалификации аватара человека в игровой среде и его соотношении с понятием цифрового образа человека, что требует дополнительных исследований. В настоящее время его, как правило, квалифицируют в рамках обозначенного выше подхода либо как часть произведения (его персонаж) [7], либо как результат виртуального самовыражения человека [8]. Но уже начинает формироваться и такой революционный взгляд на аватар, который условно можно назвать «субъектно-представительский», поскольку за аватаром признается особая роль заместителя субъекта в цифровой среде, где не субъекты гражданского права, а аватары вступают в отношения и приобретают имущество [9].

Второй подход к определению места цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав заключается в поиске для него иного места, отдельного от объектов авторского права.

В публичном праве цифровой образ квалифицируется как персональные данные, поскольку является биометрическими данными, к которым допустимо применение правового режима персональных данных [10 с. 397]. Однако публично-правовой характер такой квалификации не позволяет решать проблемы гражданско-правового характера. Меры по обеспечению безопасности персональных данных предусмотрены в ст. 19 Федерального закона «О персональных данных»¹ и касаются они деятельности уполномоченных органов и оператора информационной системы, обрабатывающего персональные данные. Для защиты субъективных гражданских прав, нарушаемых использованием цифрового образа человека, они не подходят.

Представители гражданско-правовой науки в целом единодушны в вопросе о месте цифрового образа в системе объектов гражданских прав. Как правило, его квалифицируют как объект, не обладающий вещественной природой, т. е. нематериальное благо, неотчуждаемое и тесно связанное с личностью. Однако относительно правовой природы абсолютного права на такое благо единообразия не наблюдается.

В соответствии с одной из точек зрения данное право носит имущественный характер и представляет собой имущественное право на использование соответствующего нематериального блага [11]. Подобный подход связан с процессом комодификации, начавшимся в XIX веке, который отражал превращение нематериальных благ человека в товар, поскольку они стали приобретать ценность не только для самого их обладателя, но и для других лиц в связи с известностью и широким их узнаванием². Поскольку по законам рынка спрос рождает предложение, появилась необходимость придания оборотоспособности праву, не являвшемуся передаваемым до изменений в обществе, порожденных развитием технологий.

Сегодня данный процесс приобрел дополнительный импульс, и его развитие продвинулось, поскольку широта узнавания уже не играет никакой роли для появления у информации о любом человеке ценности. Как отмечают специалисты, персональные данные пользователей лежат в основе современного маркетинга³. В целом обоснованным представляется дать возможность получать доходы от имеющего ценность образа для добросовестных участников оборота, например, лицу, чей образ используется, или его наследникам.

Однако следует учитывать, что такой подход аналогичен распространенному в странах англо-американской системы права «праву на публичность», применение которого порождает определенные проблемы, поскольку полностью приравнивает оборот права на образ человека к имуществу, в результате чего наблюдается «отрыв» нематериального по своей природе блага от личности.

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

² Ромовская З. Л. Личные неимущественные права граждан СССР : понятие, виды, классификация, содержание, гражданско-правовая защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. 70 с.

³ Цырульников И. Использование персональных данных в маркетинге: законы и этика // РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/615fdf6f9a794719ca4d1ddc?ysclid=m3ubh5ix5m871118346> (дата обращения: 29.03.2025).

Практика показывает, что сами обладатели нематериальных благ, лишённые имущественного права на публичность с помощью различных договорных и иных правовых конструкций, т. е. формально на законных основаниях, вынуждены нести допустимый законом в их отношении ущерб от использования их образа, поскольку правом на его эксплуатацию обладают не они. Использование цифрового образа актёра им самим или компанией, которой право на цифровой образ принадлежит по закону, формально одинаково правомерно, однако в последнем случае нередко нарушения прав самих актёров, не только не получивших достойного вознаграждения за «сформированный им образ у зрителей», но и теряющих работу в связи с отсутствием необходимости в их личном участии, поскольку теперь человека может заменить его цифровой образ без ущерба конечному продукту кино- или иного производства.

Кроме того, не может быть признан оправданным полный переход в разряд имущества права на цифровой образ и по иным причинам, имеющим моральный, этический, социокультурный и иной характер. Любой человек вправе ожидать, что его личность будет связана исключительно с теми действиями и продуктами, с которыми он лично связан или с которыми он желает иметь дело. Наконец, придание имущественного характера праву на цифровой образ противоречит таким конституционным правам, как право «на покой», «на забвение», которые сегодня рассматриваются представителями публично-правовых наук.

Эти же аргументы актуальны и в отношении прав умерших людей, которые также должны защищаться и после их смерти [12, с. 240]. Поэтому оправданным представляется рекомендация Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, предусмотренная в рамках модельного закона «О цифровых правах» 2023 года, в соответствии с п. 1 ст. 6 которого создание и использование цифрового образа допускается только в государственных, общественных или иных публичных интересах или с согласия лица, информацию о котором содержит цифровой образ, а в случае его смерти – с согласия его родителей, детей и пережившего супруга⁴. Таким образом, цифровой образ выводится модельным актом из наследственной массы и не может перейти любому наследнику, а также из категории полностью оборотоспособного имущества, хотя и признаётся возможность имущественного вознаграждения за его использование.

Поэтому можно сделать вывод, что конструкция имущественного права не является обоснованной и полностью применимой, поскольку приводит к нарушению личных неимущественных прав человека.

Поэтому более обоснованным представляется подход, приравнивающий цифровой образ человека к традиционному нематериальному благу. Но также обоснованным является предложение трансформации и существенной модернизации института нематериальных благ⁵, который в сформировавшемся виде не способен адекватно решать проблемы современного правоприменения.

Во-первых, в условиях цифровой трансформации появился новый способ нарушения прав и новый субъект, права которого нарушаются использованием цифрового образа. Как отмечают исследователями, бурное распространение технологии «чёрного пиара» и фейков «затрудняет адекватное восприятие информации в цифровом пространстве» [13]. Цифровой образ может быть использован для любых, в т. ч. неправомерных целей, как на широкую аудиторию, так и точно в отношении одного конкретного лица (например, в целях введения его в заблуждение или обмана о личности собеседника в телефонном или видеозвонок). Многочисленные способы использования любой информации, в т. ч. сформированной в цифровой образ, могут привести к имущественным и моральным потерям не только лица, чей образ использовался, но и введенных в заблуждение лиц. «Доцифровой» образ человека и ранее мог использоваться в корыстных, недобросовестных и преступных целях, и в подобных случаях получал квалификацию в качестве соответствующего преступления или административного правонарушения. Однако сегодня подобного последствия для эффективной защиты прав и поддержания правопорядка уже недостаточно.

Необходимо учитывать, что нарушения носят комплексный характер, в результате чего традиционная квалификация конкретного правонарушения в рамках одной отрасли права оставляет вне зоны внимания иные аспекты, в т. ч. имеющие негативные правовые последствия.

⁴ О цифровых правах : Модельный закон (принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-12 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ)) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2023. № 78 (ч. 2).

⁵ Чернякова М. Д. Правовая охрана голоса в условиях развития искусственного интеллекта // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 283–293. https://doi.org/10.58741/23134852_2024_2_19.

Так, долгое время в литературе преобладало мнение, что фейковая информация не может оцениваться как неприкосновенность частной жизни, поскольку не происходит сбора и распространения реальных сведений о лице и достаточна квалификация по ст. 242 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ [14], что не учитывает психологических страданий потерпевшего, ущерба его чести и достоинству [2].

Цифровой образ несет такие специфические риски, как «неконтролируемость распространения результата» и «подрыв доверия общественности к достоверности изображений и новостей в целом» [15], что приводит к повышенной степени общественной опасности таких деяний [16]. Указанное свидетельствует о необходимости формирования более жестких и системных, в т. ч. межотраслевых, мер государственного реагирования, выработки новых форм и мер уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности.

Во-вторых, в литературе отмечается как упрощение процесса доказывания факта нарушений права (поскольку в цифровой среде используются изображения лиц в конкретных ситуациях, которых не было в действительности, что согласно абз. 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, безоговорочно относится к недостоверной информации⁷), так и невозможность однозначного вывода об этом на основе текстового анализа, который всегда будет иметь лишь вероятностный характер⁸, и необходимости выработки новых способов установления фейкового характера информации. Например, в качестве нового подхода судебной экспертизы предлагается экспертное лингвистическое исследование, включающее выявление специфических характеристик содержания, направленности, языковой формы и прочих вербализованных признаков «притворности» [17].

Наконец, в-третьих, необходимо отметить отсутствие системного правового учения об образе человека как нематериальном благе. Как правило, говоря об образе, имеют в виду исключительно его визуальный аспект, выражающийся в формировании похожей внешности человека, что повлекло появление такой формы защиты права на образ, как защита права на изображение. Никакой иной образ, помимо визуального, таким образом, фактически законом традиционно не защищается, если не приводит к самостоятельным составам закрепленных законом правонарушений. Но если ранее таких мер было достаточно, то сегодня, с появлением цифровых технологий, границы понятия «образ человека» значительно расширились, что требует адекватного реагирования со стороны права. Так, технология дипфейка способна «с невероятной точностью имитировать интонацию, характерные паузы между словами, акцент, корректировать эмоции при произношении слов» [2], т. е. создавать голосовой образ, а уже упоминавшаяся технология биопринтинга создает биологического двойника человека. Все эти и иные «образы» могут быть воспроизведены, украдены, придуманы и распространены, что приведет к нарушению прав как их обладателей, так и лиц, вводимых в заблуждение. Кроме того, такие образы могут использоваться в личных целях, не всегда соответствующих целям и интересам их обладателей (например, в научных, маркетинговых, управленческих и иных отраслях). Также не следует забывать об общественных интересах, которые могут нарушаться введением в заблуждение отдельных граждан, их групп, и даже всего населения страны, созданием атмосферы недоверия средствам массовой информации, социальной нервозности и прочим неблагоприятным последствиям.

3 заключение

Таким образом, несмотря на то, что в целом правовая квалификация цифрового образа человека в качестве новой разновидности «образа человека», а значит, нематериального блага, соответствует его правовой природе, институт нематериальных благ в современных условиях требует модернизации и выработки новых форм защиты, в т. ч. технологических мер, как стимулирования профилактики нарушения прав на нематериальные блага, так и реагирования на свершившиеся нарушения.

Прежде всего требуется пересмотреть категорию «образ человека», который следует рассматривать не только как визуальное отражение человека, но как любое отражение любых

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 № 3 // СПС Консультант-Плюс.

⁸ Стернин И. А., Шестернина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах : учебное пособие. Воронеж : РИТМ, 2020. 34 с.

аспектов существования субъекта. Например, в модельной дефиниции цифрового образа (цифровой копии личности) в ст. 3 Модельного закона «О цифровых правах»⁹ к цифровому образу отнесена любая информация о физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные и физиогномические. Важно, что указанный перечень видов образов сформирован в указанном модельном акте как открытый. В таком случае любое использование любого образа сможет получить правовую защиту, механизм которой еще только предстоит выработать. Сегодня только институт защиты права на изображение может применяться для защиты субъективных гражданских прав на образ, однако нельзя игнорировать факт, что он направлен на защиту визуального образа и не всегда может эффективно защитить право на иные виды образов. В то же время данный институт позволяет одновременно решать проблемы, связанные с защитой интеллектуальных прав, возникающих в связи с созданием образа человека, в т. ч. цифрового. Таким образом, представляется обоснованным принятие института права на защиту изображения в качестве отправной точки при формировании механизма защиты права на образ человека, но следует дополнить его иными мерами, носящими комплексный характер.

Во-первых, необходимо принятие новых способов защиты в рамках конкретной отрасли права. Например, в абз. 2 п. 2 ст. 6 Модельного закона «О цифровых правах» устанавливается возможность требовать от лица, незаконно использующего цифровой образ без согласия его обладателя, суммы полученного от использования цифрового образа неосновательного обогащения. Такая возможность позволит более эффективно, чем возмещение морального ущерба, защитить права обладателя образа.

Во-вторых, должны быть выработаны технические решения, позволяющие защитить право на образ, поскольку без учета технологической специфики нарушения невозможно эффективно защитить право, нарушенное с помощью технологий. К таким решениям можно отнести формирование особых обязанностей для операторов цифровых платформ по профилактике, предупреждению использования фейков, а также по устранению последствий их использования. Цифровая платформа не должна рассматриваться как «площадка, на которой возможно все, поскольку никто на ней ни за что не отвечает», хотя именно такой подход на протяжении последних лет исповедуют основные маркетплейсы и иные операторы цифровых платформ, позиционирующие себя как «посредника», «доску объявлений», но не как полноправного участника складывающихся на платформе отношений, который должен нести ответственность за последствия своей деятельности. Как минимум, необходима корреляция деятельности цифровых платформ и торговых сетей, учитывая, что последние отвечают перед потребителями за товары и услуги, которые в сети реализуются.

В-третьих, необходима разработка системы цифровых образов, которые могут копировать не только образ конкретного человека, но и отдельных целевых групп людей или обобщенный образ человека как представителя определенной профессии, социального слоя, национальности и т. п. Последние виды образов также нуждаются в своей специфической защите, поскольку нарушение прав субъекта возможно через использование обобщенных образов (например, путем использования против него результатов анализа таких обобщенных образов, либо путем использования его образа в анализируемых данных и т. п.). В свою очередь, цифровой образ человека как нематериальное благо необходимо отграничивать от иных объектов гражданских прав, в частности, от трехмерного изображения в цифровой среде как объекта интеллектуальной собственности, не являющегося личным неотчуждаемым благом конкретного субъекта, а представляющего собой исключительно созданный творческим трудом, придуманный автором образ, к которому должен применяться традиционный режим охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Список источников

1. Петкилев П. И. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 4 (38). С. 93–100. https://doi.org/10.58741/23134852_2022_4_93.
2. Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11. С. 112–119. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119>.
3. Будник Р. А. Исключительное право на самокопирование // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 3. С. 5–17.
4. Галлямова А. А. Биопринтинг и право человека на цифровой образ: правовые проблемы // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 39–44.

⁹ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2023. № 78 (ч. 2).

5. Богданов Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 678–704. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-50-678-704>.
6. Богомякова Е. С. Цифровой образ тела пользователей устройств для селф-трекинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 2. С. 183–196. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.205>.
7. Архипов В. В. Персонажи (аватары) в многопользовательских компьютерных играх: вопросы правовой квалификации в свете междисциплинарных исследований // Закон. 2022. № 3. С. 58–74. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2022-18-3-58-74>.
8. Косовская И. М., Писарев В. В. Формирование рынка интеллектуальной собственности в виртуальных мирах (на примере метавселенных): анализ основных проблем // Арбитражные споры : [электронный журнал]. 2024. № 4. С. 4. URL: <https://arbspor.ru/articles/2448/>.
9. Нугматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.
10. Масликова Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным / Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Оренбург, 29 марта 2021 г. Ногинск : АНАЛИТИКА РОДИС, 2021. С. 396–400.
11. Яценко Т. С. Проблемы гражданско-правового регулирования посмертного использования нематериальных благ // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 7. С. 35–46. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.077>.
12. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Москва : Статут, 2015. Т. 1. 510 с.
13. Кац Е. Репутация как мотивация // Банковское обозрение. 2024. № 4 (302). С. 10–13.
14. Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 19–27.
15. Капитонова Е. А. Визуальный фейк, созданный посредством нейросети: социально-правовые риски и проблемы квалификации // Закон . 2024. № 1. С. 39–48. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-1-39-48>.
16. Терещенко Л. К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 103–114. <https://doi.org/10.61205/jrp.2023.131>.
17. Кузнецов В. О. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о распространении заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверных сообщений // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 2. С. 49–57. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2022-2-49-57>.